

Электричество, Евгений Замятин

У слесаря Галамея в поясницу вступило: мочи нет, одолел ревматизм этот самый окаянный. Галамей и то, и другое, и на пороге ему баба поясницу обухом секла, и мазево всякое – ничего толку. Уж и за что взяться – не знает.

А тут сосед какой-то возьми и накапай ему в мозги про электричество: одно-де тебе и осталось лекарство – электричество от всех болезней может.

Утром чем свет Галамей взбодрился: одной рукой за поясницу, другою – сапог натягивает.

– Ты куда ж это ни свет ни заря? – баба Галамеева спрашивает.

– А электричеством, – говорит, – лечиться пойду. Одно мне только теперь и осталось.

– Ой, батюшка, ты бы как полегче, дело-то такое – умеючи надо. Ты бы сперва к доктору.

– Дура-баба: а звонки электрические кто на почте наладил?

– Ты-ы, батюшка...

– Ну, то-то. И без доктора, мол-ка, управлюсь. У Галамея, брат, своя башка на плечах.

Взвалил проволоки медной круг – и пошел. Посередь самой Тамбовской остановился, штаны расстегнул, проволокой себе пониже пояса обмотал, а на другом конце крючочек сделал – и ждет. А рань еще, камни розовые, ставни закрыты, мальчишки в белых фартуках на головах корзины несут. И самый первый трамвай через мост гудит.

Услыхал Галамей, изловчился, накинул крючочек на самый трамвайный провод: ну-ка, господи благосло...

Ка-ак его шкрыкнет электричество это самое, заплясал, скрючило в три погибели – и наземь свалился.

Ну, тут, конечно, шум, гам, кондуктора, пассажиры выскочили, оттащили Галамея. За доктором. Тер-тер, кой-как доктор оттер Галамея, открыл Галамей один глаз.

– Ну, как? – доктор спрашивает. – Как чувствуете?

– Ничего, – говорит, – не чувствую. Вылечился, слава тебе, господи.

И богу душу отдал.

1917 год